

Возврат старых долгов

Издатель Георгия Владимова вырос на его книгах

Общая газета. — 1998.
— 25 июня — 1 июля. — с. 10

Однажды писатель Георгий Владимов, правозащитник, вынужденный эмигрант и лауреат премии Букер, сидел у себя дома в маленьком немецком городе Нидерхаузене. И тут ему звонят из Москвы: «Здравствуйте, Георгий Николаевич, вы — мой любимый писатель!», — заявила трубка. «Спасибо, — поблагодарил Георгий Николаевич. — Чем еще могу быть вам полезным?» — «Теперь я могу быть вам полезен. Давайте я вас издам». И вот несколько дней назад вышло в свет полное собрание сочинений Георгия Владимова. Как сказал издатель, один из учредителей рекламно-информационной фирмы «NFQ» Борис ГОЛЬДМАН, этот проект — возвращение старых долгов.

— Это не спонсорская, абсолютно не коммерческая акция. Как некоторые считают нужным вернуть долги родителям, так и я посчитал необходимым издать Владимова — человека, благодаря которому я стал тем, кто есть. Владимов — пи-

сатель очень талантливый, самостоятельный, честный и необыкновенно смелый. Что еще нужно для мужчины? Я не боялся разочароваться.

Мы никогда до этого не встречались, но у меня был его авто-

граф. Я родился и вырос в арбатских переулках, где во время моей юности рушились и осыпались дома. Мы лазили в них, собирали монеты и какую-то чепуху. Потом начали собирать «Новый мир» и даже научились достаточно профессионально делать переплеты. Так у меня появился переплет владимовских «Большой руды» и особенно любимых «Трех минут молчания».

Много позже мне попал в руки журнал «Грани», в котором были напечатаны два письма: отца Глеба Якунина и Георгия Владимова. Последнее — о том, что литературу выживают из официальной жизни нашей страны. Два эти письма

произвели на меня огромное впечатление по силе, ясности, точности, литературности. Мне очень хотелось позвонить этим людям. Я не из застенчивых, но не рискнул этого сделать.

А потом я узнал, что Владимов уезжает и, судя по всему, навсегда. Мне захотелось оставить себе хотя бы автограф. И на одной из «отвальных», в квартире Сахаровых, где Георгий Николаевич прощался с Еленой Боннэр, мой экземпляр подписали. Этот автограф воспроизведен в собрании сочинений.

Сегодня для меня те годы — история, и пусть ею занимаются профессионалы. Мое отношение к

тому времени связано или с личными воспоминаниями, или с отношением к конкретным фигурам. Я не готов обсуждать никакие репутации: эти люди вольны делать все, что им угодно. В то время, когда мы делали все что угодно, они подставляли свою шею.

На презентацию собрания мы пригласили множество друзей Владимова. Не ради рекламы. Я расцениваю это собрание как кухню, на которых все мы когда-то собирались. И еще мне хочется, чтобы все поняли, что за Владимовым — в отличие от официальных организаций — что-то стоит. Чтобы его самого и его приезд уважали.

В свою очередь, Георгий ВЛАДИМОВ воспринимает издание своих сочинений как редкостную удачу. Он догадывался, что на родине есть люди, которые его помнят, но был уверен, что они бедны и немощны.

— Издатель спросил: сколько бы вам заплатило немецкое издательство? Я ответил, что тысяч восемь марок. «Десять тысяч долларов вас устраивает?» Я поперхнулся: «Это уже не немецкое, а солидное американское издательство». — «Чем мы хуже американцев?»

— Зачастую «благотетели» диктуют свои права, справедливо полагая, что кто платит, тот и заказывает музыку.

— В четвертом томе напечатана статья «Правда безобразна, мы встречаем ее с молитвой и мужеством», как раз о новых русских толстосумах, о том, что никакие деньги не делаются из воздуха — они просто выкачиваются из одних карманов и оседают в других. Я не удержался и спросил издателя о его отношении к этой статье. Он ответил: раз вы так считаете, я обязан это печатать.

— А как вы отреагировали на предложение издателя купить еще и квартиру?

— Отвечу, как Сергей Довлатов: я хочу получить сдачу там, где меня обсчитали. В свое время у меня конфисковали квартиру. И так и не вернули прежний статус москвича. Я приложу все усилия, чтобы получить от государства то, что принадлежит мне по праву.

— Вы не боитесь возвращаться — как-никак в другую страну?

— Она узнаваема. Тот бардак, который мне хорошо знаком, всегда с нами. Изменились отношения между людьми: благодаря рынку появилась какая-то вынужденная благожелательность. Человеку дан выбор, и это самое главное. Я 52 года не мог выехать за границу, а сейчас иду по Лондону и слышу вокруг русскую речь.

Я не разделяю пессимизма многих. И не боюсь возвращаться. Солженицын в одном из писем ко мне однажды признался: я понимаю, что возвращаюсь на тяжелый жребий. Я тоже понимаю, на что иду, но желание разделить со своим читателем все горести перебарывает.

— Ваш новый роман «Долго путь до Типперери» — о чем он?

— О моей собственной жизни. Я почувствовал, что каждый из нас может написать роман о себе, только нужно отыскать подходящие приемы. Я предпочел классицизм с его тремя единствами — времени, места и действия. И выбрал три дня из своей жизни, протянувшейся от 46-го года до августа 91-го. Один эпизод расскажет о расставании с Россией, это будет своеобразный проход по Ленинграду, куда я приехал прощаться перед эмиграцией. Другой опишет изгнание, эмигрантское гетто.

— А с чего все начнется?

— С моего юношеского похода к Зощенко после доклада Жданова и постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград». Мы — два суворовца и наша подружка, всем троим по пятнадцать лет, — пошли к Зощенко выразить сочувствие в несчастье, которое на него навалилось. Пошли в военном: вас приветствует армия, не больше не меньше. Но — два идиота все-таки сообразили, что если явлюсь в черной форме с голубыми погонами, — Зощенко, конечно, храбрый человек, — но жена его точно упадет в обморок. Потому и взяли подружку, сговорились, чтобы она надела все белое. По существу, это был первый писатель, с которым я разговаривал. Мы пробыли у него полчаса

Георгий Владимов

и... разочаровались. Зощенко всячески старался быть осторожным, чтобы мы не пострадали.

Но все зря: донесла соседка нашей подружки, она слышала, что мы читаем что-то смешное, и попросила посмотреть книжку. Нас вызывали на допросы, и мы, наивные, решили рассказать, что не только читали Зощенко, но и ходили к нему в гости. Следствие о том, как мы отважились и посмели нарушить заповедь советского человека, продолжалось полгода.

— Что вам грозило?

— Нас могли просто уничтожить. Но, видно, наверху переугадили: мы учились в привилегированном училище войск МВД, Берия называл нас «своими волчатами», и что же такое происходит, если даже в таком месте происходят подобные инциденты? От нас потребовали показать, что мы были до постановления. И мы согласились.

Но вот прошло много лет, и в 91-м году я случайно наткнулся на журнал «Нева», где была на-

печатана книга «Эпилог» Вениамина Каверина. Там — со слов Зощенко — была рассказана эта история. Через столько лет нам вернули поступок, от которого мы по малодушию отреклись. До этого я никому об этом не рассказывал, ведь каглись мы слезно. А сейчас думаю, что о поступках никогда не стоит жалеть. Это вначале кажется, что тяжело. А потом начинаешь гордиться.

Беседовала
Юнна ЧУПРИНИНА